

Кожина А.А., Кузнецова Е.Л. о возможности изучения бинарной оппозиции «мужской - женский» по данным «Словаря русских народных говоров» / А.А.Кожина, Е.Л.Кузнецова // *Etnolingwistyka a leksykografia* / - Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010. – S. 151 – 157.

Алла Кожина, Елена Кузнецова

(Белорусский государственный университет, Беларусь)

О возможности изучения бинарной оппозиции «мужской - женский» по данным «Словаря русских народных говоров»

The authors made an attempt to show a wide research potential which the data from the “Dictionary of Russian Folk Dialects” provide. Thus, in particular, the material allow to demonstrate convincingly indistinct character of the main binary opposition “male - female” in the consciousness of the Russian dialects speakers of the 19th - 20th centuries.

0. «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) предоставляет огромный материал для языковых исследований практически в любой области. В том числе он дает возможности для изучения бинарного противопоставления «мужской - женский». Сразу следует сказать о том, что, по данным словаря, эта оппозиция представляется достаточно размытой.

1. Большинство номинаций, содержащихся в словаре, в состав которых входит определение *мужской* (СРНГ 18, 335), действительно подразумевают наличие дихотомии «мужской - женский»: *мужская коса* `коса больших размеров, употребляемая при косьбе мужчинами (в отличие от меньшей по размерам и более легкой *женской* косы', *мужское пиво* `сильно перебродившее пиво большой крепости (в отличие от легкого и сладкого *женского* пива)', *мужской нор* `пай, необходимый для вступления в товарищество при совместной ловле рыбы и определяющийся количеством в 30—35 ставных сетей (в отличие от *женского*нора, равного 20—25 сетям)'. Появление в номинации определения *мужской* вполне понятно - названные так артефакты отличаются от противопоставленных им женских большим размером, количеством, интенсивностью. Деление лавок на мужские и женские (*мужская лавка* `лавка в крестьянской избе, идущая вдоль стены от стола к двери (в отличие от *женской*, идущей по направлению к печи)') связано с древнейшими пространственными представлениями: «Внутреннее пространство дома также членилось: место у печи, называемое *середи*,

бабийкут, считалось женским, а место вокруг стола, в красном и «дверном» углу было мужским; у дверей располагалась мужская лавка (*коник*)» (Славянские древности 2004, 314).

Однако номинации, включающие определение со значением `женский', приводятся для денотатов, существование которых связано с опосредованными женщинами обычаями, с женским трудом, без сопоставления с обычаями, являющимися исключительно мужской прерогативой. Вот, например, группа номинаций с атрибутом *бабий* (СРНГ 2, 18-19): *бабий копез* `обычай, состоящий в том, что в течение Петровского поста (в июне) женщины-хозяйки копят масло, яйца, творог и молоко, из которого готовится сметана и простокваша, усиленно потребляемые сибиряками во время полевых работ'; *бабье лето* 1) `время, когда женщины (бабы) убирают лен'; 2) `период работ в огороде: уборка картофеля, прополка капусты'; *бабья неделя* 1) `день жен-мироносиц — второе воскресенье после пасхи' (*В этот день женщины ходят с яичницей в поле и там ее съедают, приговаривая: „дай боже, чтоб нам лен уродился куделен"*); 2) `праздник благовещения'; 2) `день рождения Богородицы, 8 сентября"; *бабья прорубь* `прорубь для полоскания белья'; *бабий сенокос* `рождественский пост, во время которого женщины спешат прясть'; *бабий угол* `место в крестьянской избе за печью, отделенное занавеской или перегородкой, где большей частью находятся женщины со своими домашними работами'.

Но уже праздник *бабьи каши* (*кашки*) предполагает не только мотивацию названия исконно женской профессией - `угощение повивальной бабки на второй или третий день рождества', но амбивалентное представление: `праздник—второй день Рождества: «В этот день обыкновенно молодые едут в гости к тестю или теще. Если молодого нет, то едет одна молодая к отцу или матери»' (СРНГ 2, 18).

Кстати, и для, казалось бы, исконно женской специальности (акушерка) в ее выражении лексемой *бабка* дается толкование, предполагающее, что этим может заниматься как женщина, так и мужчина, а также поправляющее грамматическое значение этой лексемы, относя, по сути, к общему роду: *бабка* `м. и ж. Мужчина или женщина, занимающиеся лечением, знахарством, ворожбой' (СРНГ 2, 21).

Унификация полов реализуется и в некоторых обращениях: *паря* - это обращение и к пожилому мужчине, и к женщине, девушке (СРНГ 25, 251). Таким же образом *девка*, *девушка* - это обращение к любому лицу, независимо от возраста и пола (СРНГ 7, 317, 320).

Вот еще один пример смешения полов: *жениться*, по данным словаря, - не только 'брат в жены', но и 'выходить замуж': *Когда она женилась?; Женилась я не молоденькая, пятнадцать годов прожила* (СРНГ 9, 125).

Оппозиция «мужской - женский» всегда представлялась с совершенно определенной ориентацией: правый - мужской, левый - женский: «это соединение признаков 'женский' и 'левый', 'мужской' и 'правый' является почти универсальным» (Иванов, Топоров 1974, 267). Действительно, в словаре встречаем: 1. *С правого боку — это женка у сохи.* 2. *Сошник с крылом называется мужичок, а без крыла — жёнка. С правой стороны жёнка, с этой отвалка.* (СРНГ 9, 127). Однако следующий словарный пример свидетельствует о сглаживании этого представления, причем этому факту не дается никакого объяснения: *Сошник — мужичок и женка. Правый — мужичок, а левый — женка. По работе одинаковы, никакого раздела нет.* Возможно, здесь сыграли свою роль не отмеченные словарем дополнительные характеристики, например, упоминавшееся уже противопоставление «большой - маленький», как в следующем объяснении: *На ноги рассохи надевали сошники, мужичка и женку. Мужичок здоровый, у него перо загнуто; видишь, сверху на девку-то козырем смотрит* (СРНГ 18, 334).

2. Растительный код, безусловно, играет важную роль в формировании образа мира. Существует ряд растений, в составе названия которых тем или иным образом присутствует сема 'женский' или 'мужской'. Вот некоторые из них: *мужик-корень* 'растение *Euphorbia Pallasii Turcz.*, молочай' (СРНГ 18, 333); *муженёк* 'растение *Galium verum L.*, подмаренник настоящий' (СРНГ 18, 333), *мужичья кровь* 'цветущая полевая трава [какая?]' *С красными цветами, высокая трава, растет на полях. Крестьяне пьют от простуды* (СРНГ 18, 333); *мужик* 1. 'капустная рассада без зародышевых листочков'; 2. 'растение *Asperula tinctoria L.*, ясменник красильный'; 3. 'растение *Galium verum L.*, подмаренник настоящий'; 4. 'растение *Artemisia procera Willd.*, полынь высокая'; 5. 'растение *Artemisia Abrotanum*, божье дерево' (СРНГ 18, 334). Эти номинации вполне объяснимы в случае с молочаем, имеющим длинный, твердый корень, и для капустной рассады, которая не сможет плодоносить. Возможно, для наименования растений рода *Artemisia* мотивирующим признаком послужила их высота (ср. выше реализацию противопоставления «большой - маленький»). А вот в случае *мужичья кровь* признаки растения (*с красными цветами*) обусловили появление второго компонента словосочетания, в то время как прилагательное здесь употреблено, скорее всего, в значении 'людской, человеческой'.

«Женских» растений больше. Вот номинации, включающие определение *бабий*: *бабий зуб* `спорынья, *Claviceps purpurea*'; *бабы разметки* `растение *Spergula arvensis*; торица посевная"; *бабья роза* `растение *Malva neglecta* Wallr., просвирняк пренебреженный'; *бабы румяна* `растение *Echium vulgare* L.; синяк обыкновенный'; *бабы сплетни* а) `комнатный цветок [какой?]' *Бабы сплетни* — садят, белым цветом, тянется так; б) `дикое вьющееся растение. Иногда выращивается в комнате' *Вьющееся комнатное растение с мелкими листьями, похожими на гусиные лапы; гусиные лапки. Кто называет плющ, кто бабы сплетни — по-деревенски; бабий ум (разум)* `растение *Gypsophila paniculate*, качим метельчатый, перекасти-поле' (СРНГ 2, 19). Как видно, в этих номинациях очевидно представлены стереотипные характеристики женщин: внешний вид с использованием примитивной косметики, склонность к сплетням, переменчивость в суждениях. Внешняя характеристика представлена и в номинации *женский волос* `растение *Vicia cracca* L., горох мышиный' (СРНГ 9, 128).

Но остальные словосочетания с этим прилагательным мотивируются достаточно сложно. И если название *женский донник* (`растение *Melilotus officinalis* L., донник аптечный') можно объяснить тем, что это растение являлось антиклимактерическим средством, то растения *женская жабная* (`растение *Filago arvensis* L., жабник полевой'), *женский жабник* (`растение *Menyanthes trifoliata* L., вахта трехлистная'); *женский зверобой* (`растение *Gentiana pneumonanthe* L., горечавка легочная') (СРНГ 9, 129) имеют то общее свойство, что все они обладают горьким вкусом и в народной медицине использовались для поднятия аппетита.

При этом при этом обращает на себя внимание тот факт, что название *женская трава* носит *Orchis maculata*, ятрышник пятнистый, который относится к орхидным, широко используемых у южных и восточных славян для любовной магии и представляет в магических ритуалах, скорее, мужское начало (Колосова 2007).

Одно же растение получает два названия, определяющие совершенно различную половую принадлежность: *Veratrum nigrum* (чемерица черная) - это и *волосьянка мужская* (СРНГ 18, 335), и *волосьянка женская* (СРНГ 9, 128), причем эти названия зафиксированы в одном и том же енисейском говоре.

Неоднократно указывалось, что непротиворечивое совмещение мужского и женского начала представляет цветок *Иван-да-Марья*, причем предлагалось ассоциировать желтые цветы растения с мужским, а темные

(синие или фиолетовые) с женским началом. Возможно эту же идею можно усмотреть в названии *брат-сестра* или *братец-сестрица* (СРНГ 3, 157). Но в некоторых названиях этого же растения подобное противопоставления абсолютно снимается - ср. *братики, браток* (СРНГ 3, 157, 169). Кроме того, многие апеллятивы от имени собственного *Иван*, выступающие в качестве названий растений, объясняются тем, что эти растения собирают в день Ивана Купалы: *В Иванов день, 24 июня, до восхода солнца рвут траву Иван-да-Марья* (СРНГ 12, 54). Действительно, среди многочисленных именовании этого растения находим *Иван-травник, Иван-цветник, Иван-цветочник: Перед Петровым днем Иван-травник. Всякую собирают траву. А кто смелый — иди за золотом . . в самую полночь.* (СРНГ 12, 54). На Ивана Купалу собирали различные травы, в том числе растение *Valeriana Phu L.*, которое, тем не менее, по данным словаря, носит название, связанное не с именем этого святого, а с Марией Магдалиной - *маржамагдалинская трава* (СРНГ 17, 372): «...знающие и опытные люди, а особенно деревенские лекари и знахари, ни под каким видом не пропускают Ивановой ночи и собирают целебные корни и травы на весь год... В большом употреблении точно так же травы: «дивий сил», «мария-магдалина» (от тоски)...» (Максимов 1994, 390).

Вообще же имя *Марья*, как отмечал еще М.Фасмер, встречается в различных названиях растений (Фасмер 2 1986, 577). Следует сказать, что «Словарь русских народных говоров приводит немного растений с таким названием (*Eryngium plamim L.*, синеголовник плоский; *Anthriscus sylvestris Hoffm.*, купырь лесной; *Eschscholzia tenuifolia L.*; *Thajictrum flavum L.*, сем. лютиковых; василисник желтый (СРНГ 17, 379 - 380), и обнаружить какое-либо обоснование названия во внешнем виде или свойствах растения практически невозможно.

Достаточно последовательно имя *Мария* встречается в названии растения *Paeonia apomala L.*, пион уклоняющийся - *марикоренья*, мн. (СРНГ 17, 372), *марьино коренье* (СРНГ 14, 324, 17, 379), *марьи коренья, марья корешка* (СРНГ 17, 380), *марьин орешек, марьины орешки, марьиная трава, марьины ягоды* (СРНГ 17, 379), *марюшка* (СРНГ 17, 380), *машины пуговики* (СРНГ, 18, 57). Однако возникает сомнение в том, действительно ли в номинации первое составляющее является производным от женского имени, следовательно, может участвовать в репрезентации дихотомии «мужской - женский». Дело в том, что это растение имеет еще одно название - *марешки: Кори-марешки цветут под вид маку, растут в поле* (СРНГ 17, 372). Но *марешками* называются и соцветия ели - шишечки красноватого цвета (там же). Возможно, оба названия (учитывая алый цвет цветков дикого пиона)

можно связать с *мареной* - растением, из корней которого добывали красную краску и названием самой этой краски, ср. также *марьяный, маряный* 'розовый, красноватый, багряный' (СРНГ 17, 380).

3. Известно, что болезнь в народном сознании персонифицировалась, как правило, в образе женщины, чаще всего старой и некрасивой. Имеет ли здесь место реализация представления о темном и враждебном женском начале? По-видимому, подобная персонификация обусловлена чисто языковыми факторами - женским родом лексем *болезнь, хвороба // choroba, лихорадка*. Тем более, что мужской род заболевания заставляет наделять его мужским именем: ср. «...встретились три чирья - Василий, Иван и Демьян» (Юдин 2001, 169).

Можно привести еще, по крайней мере, один пример, когда имя болезни можно объяснить лингвистическими «упражнениями», а не древними представлениями о ее сущности и началах. В известном заговоре *Заря-зарница, красная девица! Избавь раба божия от матухи, от знобухи, от летучки, от гнетучки, от Марии Иродовны и от всех 12 девиц-трясовиц* (СРНГ 17, 380) обнаруживаем собственное имя болезни. Отчество понятно - лихорадка могла ассоциироваться с библейской Иродиадой (Юдин 2001, 171) и вообще с детищем Ирода как прародителем всякого зла. Откуда имя? В рассматриваемом словаре, как представляется, можно найти ответ на этот вопрос. Дело в том, что заимствованное название болезни *малярия* метатетически преобразовывалось по законам народной этимологии - ср. *маряля, марялия, марилея* 'болезнь малярия' (СРНГ 17, 373, 380), откуда логически следует собственное имя болезни - *Марья*.

4. Вообще же, в некоторых случаях пол, задаваемый именем, не играет вообще никакой роли, как, например, в двух вариантах следующей загадки, зафиксированных, возможно, в разных местах: *Два подъячих водят Марью вертячу* (загадка: крючья-крюки и дверь) (Даль [без указ, места]) и *Два подъячих ведут Ваську вертячего* (загадка: двери на двух петлях) (Арх.) (СРНГ 4, 157). В данном случае имя собственное выступает лишь в качестве знака, обозначающего место, на котором должно появиться истинное название кодируемого денотата.

5. Данные словаря позволяют предположить, что оппозиция «мужской - женский» реализуется в приписывании церковным праздникам народных названий, состоящих из имени святого и приписываемой ему функции. Действительно, в словаре обнаруживаем такие народные названия праздников, как, с одной стороны, *Маланья кишочница* (31.12): «*Маланьи*

кишочницы... бывают накануне Нового Года, в этот день пекут кишочные пироги» (СРНГ 13, 252), а с другой - *Стефан ранопашец* (26.04): *начало самой ранней вспашки полей* (СРНГ 34, 103).

Однако часто приписывание святым каких-либо свойств опирается исключительно на народную этимологию, ср. *рухли* `день святых Агафа, Руфа и др.; в народном произношении - *Агахьи и Рухли* (8.04)'. Сомнительно, чтобы говорящий четко представлял, о каких святых идет речь, но, несомненно, он мог установить связь с глаголом *рухлить* `рыхлить' (СРНГ 36, 275).

У святых же, «ответственных» за явления природы, не наблюдалось подобного разделения: с одной стороны, обнаруживаем такие наименования, как *Василий капелька, капительник, каплюжник, капитель, капля* (28.02, 7 и 13.03) (СРНГ 13, 51, 53, 55), а с другой стороны, - *Марина капля* (28.02) (СРНГ 13, 55); *Авдотья каплюжница* (1.03) (СРНГ 13, 53).

Все приведенные примеры служат иллюстрацией того, что, по данным «Словаря русских народных говоров», в народном сознании традиционные стереотипы постепенно начинают разрушаться. Представление о мужском и женском начале, несомненно, очень важное для формирования как народного сознания, так и психики отдельного человека, предстает не в виде четкой дихотомии, бинарного противопоставления, а в виде нечеткого размытого множества, сохраняющего лишь отдельные позиции древних представлений.

Источники и сокращения:

СРНГ - *Словарь русских народных говоров*, 1965 - ..., т.1 - ..., Наука, Москва.

Литература:

Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, *Исследования в области славянских древностей*, Наука, Москва.

Колосова В.Б., 2007, *Ятрышник*, “Антропологический форум” пг 6.

Максимов С.В., 1994, *Нечистая, неведомая и крестная сила*, ТОО «Полисет», Санкт-Петербург.

Славянские древности, 2004, т. 3. - Международные отношения, Москва.

Фасмер М., 1986, *Этимологический словарь русского языка*, т. 2, Прогресс, Москва.

Юдин А., 2001, *Персонифицированные лихорадки в восточнославянских народных представлениях (на материале заговоров)*, "Etnolingwistyka" nr 13.